

ВСТРЕЧА С ДЕПУТАТАМИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

23 августа 1991 года

Ельцин (председательствующий). *(Аплодисменты)*

Уважаемые народные депутаты, уважаемые гости!

Еще раз поздравляю вас с победой над силами реакции, над организаторами путча, государственного переворота, объявляю, что все его главные участники арестованы и соответственно предстанут перед судом.

Сегодня вместе с Президентом страны, а затем с «девяткой» обсуждали кадровые вопросы и основные, по крайней мере, главные, по главным направлениям эти кадровые вопросы были решены по договоренности сначала, а потом при поддержке «девятки».

Я думаю, больше какого-то вступительного слова говорить не буду, предоставляю слово Президенту страны Михаилу Сергеевичу Горбачеву. *(Аплодисменты.)*

С места. По порядку ведения!

Ельцин. Это не сессия, а встреча с депутатами. Вы уже настолько вошли в ритм сессии. Прошу внимания.

Горбачев. Я начну с того, что пытался уже в эти дни сказать, осмысливая всё то, что произошло, оценивая то, что делал в эти дни, воздать должное позиции Российской Федерации. Начну с этого, потому что, прежде всего россияне в своей огромной массе, Верховный Совет, выражающий интересы и волю россиян, правительство объединились и стали стеной на пути заговорщиков. Я хочу особо выделить, и это тоже я делаю в результате той оценки, которая базируется на реальностях, всего, что произошло, выделить выдающуюся роль Президента России в этих событиях Бориса Николаевича Ельцина. *(Бурные продолжительные аплодисменты.)*

Ельцин. Благодарю Вас!

Горбачев. Я убежден всегда, был убежден тогда, когда от меня требовали ультимативно передать полномочия Президента вице-президенту или заявить об отставке для того, чтобы спасти отечество, что эта авантюра

не пройдет, и авантюристы потерпят поражение и их ждет участь как преступников, которые толкают страну, народ в тяжелейшее время, время испытаний и поиска новых форм к катастрофе. И, тем не менее, слава Богу, что всё так обошлось, потому что замыслы были далеко идущие – прежде всего, нанести удар по авангардным силам демократическим, которые на себе тащат эту ответственность демократических преобразований страны и держат, несмотря на все перипетии и сложности. В этом состоял замысел. И элементом этого шантажа по отношению к Президенту страны было сообщение о том, что Президент России арестован уже. Что? Президент России Ельцин уже арестован или будет арестован – я так понимал – на пути движения, возвращаясь из поездки и так далее. Иначе говоря, расчет был такой – нанести удар, изолировать Президента страны, если он не согласится на сотрудничество с этими силами реакционными, и изолировать Президента Российской Федерации.

Просчет их в главном состоял. Мы считаем, несмотря на все трудности, несмотря на то, что мы испытываем тяжелейшие тяготы, и так мы думаем, что большинство нашего народа, мы считаем, что общество у нас за эти шесть лет стало другим и оно способно, объединяясь и согласовывая, взаимодействуя, преодолеть эти трудности, выйти на широкую дорогу продолжения реформ и преобразований к новому обществу.

Те считали, что Союз на грани гибели, развала, ждет катастрофа национальная и народ их поддержит. Это главный был просчет организаторов заговора, люди не поддержали, армия не пошла, хоть ее и толкали, причем в нашем распоряжении все больше становится фактов, когда те силы, на которые особо делали ставку, специальные силы для борьбы с терроризмом, их направляли на то, чтобы они нанесли удар, на то, чтобы лишить, прежде всего, руководство этого демократического процесса, – люди отказались выполнять. Вооруженные силы, даже те, кто вышли, были выведены, вступили в контакт с трудящимися и заняли принципиальную позицию – почти поголовно, офицеры, солдаты, основная масса. *(Шум в зале,*

выкрики с мест.) Поэтому их расчет на то, что они встретят поддержку, расчет на то, что трудности им помогут реализовать свои задачи и достигнуть свои цели, не оправдался.

В этом главная причина их поражения. Причины. Вы говорите – причины. Причины – потому что мы подошли к такой стадии в развитии общества, когда уже ясно, что должно измениться всё: власть, федерация, экономика, отношение к собственности, положение человека, и дальше уже другое общество, где этим силам реакционным нет места. И поэтому это была авантюристическая последняя попытка попытаться взять реванш, остановить этот прогрессивный процесс, перехватить любыми способами и взять власть.

Когда мне сказали, что создается Комитет, я спросил: что это за Комитет, кто его создал? (*Шум и возгласы из зала.*) Хорошо, вы хотите, чтобы я повторил то, что я вчера говорил? Или вы не слышали? (*Шум продолжается.*)

Я думаю, дальше нам надо не менять тот курс, который мы взяли. Первое.

Второе. Для того чтобы этот курс можно было проводить успешно, нам нужна мощная перегруппировка политических сил. Нам нужны надежные властные структуры и расстановка сил, кадров, которая бы обеспечила продвижение этих реформ. Мы ее начали уже в эти часы сегодня по тем направлениям, где может быть опасность, приняли решение.

Мы сейчас в рамках встречи «9+1» обговорили подходы по этим вопросам. Решили вопрос о Министре обороны, утвердили бывшего командующего военно-воздушными силами Шапошникова. (*Аплодисменты.*) Решили вопрос об утверждении Председателем Комитета государственной безопасности товарища Бакатина Вадима Викторовича. (*Аплодисменты.*) Утвердили Министром внутренних дел т. Баранникова, вашего Министра. (*Аплодисменты.*) Приняли ряд решений о переподчинении тех сил, которые должны быть рядом с Президентом страны, рядом с Президентом Российской

Федерации, рядом с основным руководством, которые привержены продолжению всех демократических преобразований. Приняты Указы. Причем создали такой механизм. Это уже уроки из нынешней ситуации, что если оказывается тот или другой в такой обстановке, что нельзя дать даже указаний, как это случилось, чтобы автоматически эти права и обязанности брал другой. *(Аплодисменты.)*

Нам сейчас нужно решить вопрос, связанный с функционированием Кабинета министров СССР. Мое мнение такое: в своем большинстве состав этого Кабинета, так или иначе, в той или иной форме, пока что мне известны два случая – один не подвергается сомнению, один с определенными сомнениями, когда люди отказались от того, чтобы выполнять эту линию заговорщиков, министр культуры подал в отставку, Губенко, и отказался сотрудничать с Комитетом, и выступил на Кабинете против этой линии. Так мне сказали, но это все я еще должен уточнить, потому что в последний час поступила информация о том, что это не совсем так. Но, тем не менее, я пока говорю, что так или иначе занимал позицию критическую Щербаков. Владимир Иванович. Нет? *(Возгласы и шум в зале.)* Вот Борис Николаевич мне сейчас сказал, когда мы встретились, он дал изложение заседания Кабинета министров, но я его еще не читал.

Ельцин. А Вы, Михаил Сергеевич, почитайте. *(Аплодисменты.)*

Горбачев. Да, вы напомнили – т. Примаков мне говорил о том, что четко и ясно заявил свою негативную позицию по отношению к этим решениям Комитета заместитель Председателя Воронцов Николай Николаевич. *(Аплодисменты.)*

Ельцин. Михаил Сергеевич, зачитайте этот документ. Это стенографическая запись заседания Кабинета министров Союза 19-го числа, в 18 часов. Это в час, когда должен был начаться штурм Дома Советов.

Горбачев. Я сейчас это сделаю. Я закончу свою мысль и зачитаю. Я еще не читал тоже.

Была у меня информация разного плана о поведении Министра иностранных дел. Сегодня к утру у меня больше было информации о том, что, по крайней мере, он или лавировал и не занял четкой позиции. Я его освободил от обязанностей Министра иностранных дел. *(Аплодисменты.)* Я говорю о Бессмертных Александре Александровиче.

Таким образом, я думаю, что у нас будет правильный подход.

Это правительство должно в полном составе уйти в отставку. *(Аплодисменты.)* И когда мы сегодня обменивались мнениями, мы решили, что должны особенно тщательно подойти к формированию Кабинета, с тем чтобы учесть и компетентность, и политические позиции, и приверженность демократии и курсу на преобразования, представительства и в первую очередь республик, с тем чтобы это был Кабинет и представительный, и действующий, работающий, потому что нам с вами, вообще говоря, предстоит работы много. И уже может быть сегодня, а завтра тем более, мы должны быстрее решать дела, потому что народ ждет этого. Но к этому я еще вернусь. Надо первую часть закончить.

(С места. Вы все-таки зачитайте документ.)

Я зачитаю, зачитаю. Вот уже вопросы есть и я сразу и зачитаю.

Поэтому мы договорились, обменявшись мнениями сейчас, выработать предложения и сформировать единый подход к этому. Как сказал вчера Александр Николаевич Яковлев, чтобы не оказалось и в этом случае, как он сказал, шантрапы.

(Возгласы из зала. «Шпаны!»)

Ну, по-моему, это одно и то же.

Таким образом, прежде всею, продолжение курса на преобразования и соответствующая структура властей, способная взять на себя ответственность и продолжать – это самая главная гарантия.

Второе. Мы должны идти, и быстрее, к Союзному договору. Ведь, в общем-то, именно подписание нового Союзного договора, при всей критичности его оценки с разных сторон, и намеченная дата для этого

подписания – это то, что подстегнуло те реакционные силы принять этот путь, потому что они знают, что такое новый Договор и какие последствия от этого нового Договора.

Сейчас особенно важно всем мнение всех республик, что мы должны быть вместе в это трудное время, как мы и были, и это главное препятствие. И можно критиковать слабости Ново-Огаревского процесса, и, я думаю, они есть реальные, мы их знаем, и согласие, сотрудничество и взаимодействие еще желают многого. Это еще не сложившийся механизм, но он нужен.

Но, мы на правильном пути. Если бы этого не было, мы бы оказались безоружными вот в этот момент драматический. Поэтому все республики, все руководители республик, они были все, высказались за то, чтобы мы сейчас взаимодействовали вместе в рамках единого Союза и вместе сотрудничали, особенно, что касается вопросов социально-экономических, и быстрее решали кризисные задачи.

У нас с вами стоит проблема, реальная проблема, – выживание. Ведь вы посмотрите, что начал этот так называемый комитет, на чем он сыграл и начал предлагать то, чем занимались в последнее время правительства республик, – выработкой продовольственной программы, чтобы выжить до нового урожая. Как быть с теплом, чтобы люди в холоде не оказались? И как стабилизировать финансы для того, чтобы открывать дорогу быстрее для экономических преобразований? Все это сейчас на рассмотрении, и на 21-е число был назначен Совет Федерации с тем, чтобы решать эти вопросы, очень трудные.

Мы стоим перед тем, что нам придется идти на непопулярные вещи.

Это мы должны сделать. Все руководители республик за это.

Но чтобы закончить мысль о структурах, я думаю, что нам придется и в Верховном Совете, который соберется, тоже провести необходимые перемены, для того чтобы Верховный Совет Союза действовал в русле того, что проявлено и выявлено в эти решающие дни, в эти дни трагических событий. *(Шум в зале, выкрики.)*

Я думаю, я думаю, вчера попытался это сказать, скажу и сейчас: мы должны действовать так, чтобы мы отличались от путчистов, от все этой сволочной публики, и демонстрировать, что у нас хватило мужества выстоять, у нас хватит мужества спросить во всех по всей строгости, кстати, сегодня мы с Борисом Николаевичем договорились, и поддержано это всеми республиками, что создается единая следственная бригада из следователей СССР и РСФСР и она будет вести расследование под курированием двух прокуроров. *(Шум в зале, выкрики.)* И они будут докладывать об этом, а мы будем информировать и вас, и Верховный Совет страны, как идет этот процесс. *(Шум в зале, выкрики.)*

Тема. Подход. *(Шум в зале, выкрики.)* Вы не усложняйте мою задачу. У меня ситуация и так непростая. Не усложняйте.

Я думаю, демонстрируя именно такой подход, мы должны показывать уже и зрелость, и свои достижения, которые мы имеем.

Вы скажете: на нас руку поднимали, хотели превратить в мясо, уничтожить. Да. Это все теперь ясно. За это должны понести самую строжайшую ответственность те, кто поднял руку на конституционный строй, на конституционные органы, на народ. Тут никаких колебаний и никакого прощения не может быть. Но, по закону, и чтобы мы с вами были взвешенными, твердыми, ответственными, и чтобы от нас ни от кого, а не только от Верховного Совета того или другого прозвучало требование, которое можно истолковать, что мы тут открываем «ловлю ведьм».

Мы знаем, кто это начинал и как это обходилось. Мы должны с вами и идем этим путем твердо, мы все решим вопросы и примем решения такие, каких требует обстановка – закон. Я думаю, что вы с этим согласитесь. *(Шум в зале, выкрики.)* Если вы не будете...

(Шум в зале.) Ну, я думаю, что вы же понимаете.

Для меня, например, некоторые вопросы ясны, абсолютно ясны. *(Шум в зале, выкрики.)* Тихо. Тихо. Не торопитесь.

Ельцин. Спокойно товарищи. Спокойно. Спокойно. Потом будут ответы на вопросы.

Горбачев. Верховный Совет СССР соберется 26-го. Я думаю, многие из вас, по крайней мере, вы какую-то часть делегируете для участия. Мы приглашаем всех руководителей, по крайней мере, я знаю это, поскольку это не моя прерогатива, руководителей всех республик, и Верховный Совет будет рассматривать ситуацию и все уроки, которые из этого следуют и мы с вами будем тогда в Верховном Совете.

Верховный Совет страны – это такие же депутаты, как и вы, избранные народом. *(Шум в зале, выкрики.)* И я думаю, Верховный Совет СССР будет на высоте и примет такие решения, которые необходимы. Я уверен, что различий в решениях, я убежден в этом, не будет.

То, что сегодня Верховный Совет оказался где-то, то это все было сделано, чтобы его не пустить сюда. *(Шум в зале.)* А я думаю, и многие уже здесь, и участвуют, и вы их знаете. *(Шум в зале.)*

Во всяком случае, не спешите вершить суд, особенно над Верховным Советом СССР. Я думаю, там есть кому отвечать и они должны ответить. Но вы проявите, зрелось, и будет ясно через два дня на заседании.

(Шум в зале.)

Вот это третья мысль. Меня сейчас уже, когда Борис Николаевич отсутствовал, товарищи просили сказать, что все республики, как и в эти тревожные дни, заняв твердую позицию, и поддержав Россию, когда... *(Шум в зале, выкрики.)*

Ельцин. Внимание. *(Шум в зале, выкрики.)* Внимание. Внимание. *(Шум в зале, выкрики.)*

Горбачев. Я думаю, что Россия, заняв позицию твердую, ясную и доведя до сведения, что происходит в Москве, повернула всю ситуацию, где Верховные Советы, где Президиумы заняли позицию, и это подтвердит и Борис Николаевич. *(Шум в зале, выкрики.)*

И сейчас, после выхода из этой кризисной ситуации, россияне должны действовать совместно со всеми Верховными Советами республик и с народами всех республик.

Иначе это будут не россияне... *(Шум в зале, голоса неразборчиво.)*

Я буду вам говорить то, что я думаю... *(Шум в зале, голоса неразборчиво.)*

Но я говорю то, что я думаю. Это правда или нет! Я говорю то, что я думаю. Что еще вам нужно?! И вы, я надеюсь, это воспримете.

Сейчас особенно открывается огромная возможность для объединительной миссии России, Верховного Совета, съезда России, правительства, всего народа России. Эту миссию мы должны выполнить россияне до конца. Вы думаете этим и кончилось. Не будем упрощать, и самые трудности и испытания впереди. Мы должны сделать в ближайшие месяцы то, чтобы люди увидели, меняется жизнь в их пользу. *(Аплодисменты.)*

Поэтому я вам говорю, и вы думайте, я вижу, уже с некоторыми встретился, что еще в ваших глазах, что в душах. Но, между прочим, перед вами тоже человек стоит, который в этом списке возглавлял номер один. Восемь там было, что ли человек? Или 10? *(Шум в зале, голоса неразборчиво.)* Я думаю, пружину нам даст следствие всё. Мы с вами видели это и в обществе, и на пленумах ЦК, и в Верховном Совете, как голову поднимало это всё, и мы стояли, не уступали. Они пошли на это, по-моему, панически вообще, у кого бы соображала голова и хватало анализа, и кто бы знал, уже бы не пошел на это.

Это люди, потерявшие голову, чувство ответственности. В общем, то, что можно сказать о предательстве, о предателях.

Я говорил вчера и должен вам, глядя в глаза, сказать: для меня это тяжелейшая драма! Потому что ультиматум мне привезли начальник президентского аппарата... *(Шум в зале, голоса неразборчиво.)* А я разве вам не называл еще. Болдин, помощник и начальник президентского аппарата,

человек, которому я полностью доверял. Полностью! Шенин, член Политбюро, секретарь ЦК... *(Шум в зале.)* Бакланов, мог заместитель по Совету Обороны, бывший секретарь ЦК.

Но другой человек, четвертый, кто был с ними, это Варенников, генерал армии; но это человек, далекий от меня, и тем не менее это тот человек, который после меня ездил еще на Украину и ультиматум предъявлял и т.д. Кравчуку.

Кстати, и в отношении, когда я говорю, что нам не надо становиться на их методы и показать, кто мы такие и что мы действительно демократы, то мы должны отделить тех, кто участвовал в этом и на подготовительной стадии этом – а по-моему, все станет ясно, – и после подключился и поддерживал, кто писал телеграммы, кто на месте организовывал какие-то комитеты. И ни в коем случае мы не должны допустить того, чтобы рядовой человек, рабочий, крестьянин, интеллигент, чтобы против них обернулось это. Это ни в коем случае! И я приветствую позицию товарища Собчака, который сказал, что мы не должны, принимая самые строжайшие меры по закону против всех, кто стал помогать или участвовать в этом путче, допустить антикоммунистическую истерию, ибо это было бы опять повернуто и использовано против народа. Это всё мы должны видеть с вами.

Теперь я на этом, наверное, буду заканчивать сейчас, я думаю, мы примем все решения, которые необходимы и сейчас начну читать и отвечать, и самое главное, я убеждаюсь в который раз, хотя уже пришел к убеждению раньше, иначе не было бы ни огаревского процесса, ни другого, что самая большая опасность, я говорил это раньше, писал это и теперь говорю еще раз перед вами, и об этом надо сказать, самый большой подарок преподнесем кому угодно, – консерваторам, реакционерам, тем, кто хочет толкнуть, вернуть в прошлое страну нашу, если демократы будут разобщены. Неважно, что между демократическими течениями есть какие-то оттенки, нюансы и т.д. Главное, что демократические силы должны быть объединены; особенно эти события нас к этому зовут. И я вас к этому тоже всех призываю.

Начну с того, что я – на вопросы буду отвечать потом, когда прочитаю то, что мне дал Борис Николаевич.

«Краткое изложение заседания Кабинета министров СССР 19-го» (это значит в тот день).

Иван Степанович, а Вы были на Комитете?

Силаев. Это было закрытое, и протокол не велся.

Горбачев. То есть это кто-то из участников сделал записи.

18 часов, расширенный состав. Председательствовал Павлов.

Я читаю, поскольку я сам в первый раз, может быть не совсем точно буду вам... *(не закончил фразу)*.

«Как будем работать в связи с чрезвычайным положением? Готовы ли вы вытаскивать страну из кризиса? Все ранее принимаемые решения не выполняются. Согласны вы или нет с поддержкой Президиума Верховного Совета по Союзному договору. – Это, значит, заявление Лукьянова. Как вы думаете руководить отраслями и предприятиями? И однозначно выскажете позицию, поддерживаете ли вы ГК ЧП?

Выступления.

1. Катушев. Коллектив министерства сегодня в 10.00 рассмотрел ситуацию и полностью поддерживает Комитет. Мы дали ориентировку всем торгпредствам в зарубежных странах о реализации его политики.

2. Орлов (это Минфин?)... Работа организована в особом режиме. Мы «за». Совместно с банками, Геращенко, направили необходимые телеграммы по предприятиям системы в поддержку Комитета.

3. Сычев, Госстандарт. Активно поддержал Комитет и предложил услуги в реализации его политики.

4. Ходжиев (Нефтехимпром). За, мы все с комитетом вместе.

5. Давлетова. Выступление ни то, ни се, – это кто записывал, наверное, ни то ни сё. – Просила помощи восстанавливающейся промышленности. От присоединения хитро ушла. *(Оживление в зале.)*

6. Гусев. Активно поддержал и призвал, что если мы с Комитетом не победим, то это гибель для всех. Будем бороться.

7. Панюков. Крутил, крутил, но поддержал. *(Оживление в зале.)*

Ельцин. Это правильно, что мы в его самолете не полетели, а на нашем, обратно оттуда. *(Оживление в зале, аплодисменты.)*

Горбачев. Я не хотел сводить всё это к личности, хотя сейчас трудно разделить личное в этой ситуации. Но Вам спасибо за всё, что вы выручали. *(Аплодисменты.)* Когда в первый раз через Би-Би-Си охрана, приспособив старый приемник, нашла где-то проволоку и уловила информацию, и до нас дошли, оказывается, корреспондент даже здесь был в этом здании, так мы понимали, внутри. *(Шум в зале, голоса неразборчиво.)* О той правде или о другой правде вы говорите. Правда, одна.

Панюков сказал.

Строганов. Активно поддержал комитет, доложил о том, что аппарат обзванивает машиностроительные предприятия и рекомендует поддержать комитет, вызвал негативную реакцию зала, вмешательством через голову министров на предприятия по этим вопросам.

9. Первый замминэнерго: ни да, ни нет, потребовал дополнительной охраны объектов.

10. Тимошишин. «За».

11. МПС, министр – «за», работаем, нужна дополнительная охрана подвижного состава.

12. Воронцов: как депутат РСФСР сказал на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР о том, что действия комитета признаны неконституционными и предложил посредничество в установлении контактов с российским руководством, которое было отвергнуто.

13. Тизяков: «за».

14. Щербаков: народное хозяйство должно работать, будет эмбарго, 3-4 дня надо проработать все вопросы и предложения по использованию мобрезервов, ресурсы по импорту будут отсутствовать, надо искать

внутренние возможности. Отношение к комитету – пока не сформулировал, поскольку в течение дня у комитета меняется мнение, определить позицию пока не могу, но таких, как Тизяков и Стародубцев хорошо знаю, – ничего полезного не жду.

Значит, что-то все-таки есть у Щербакова?

Ельцин. Но и не осудил!

Горбачев. Короче говоря, разберемся!

15. Маслюков. Опубликованное не дает выхода из кризисного положения страны, поставил пять вопросов, вступил в перебранку с Павловым, позицию не прояснил.

16. Рябев. Осторожно высказался, но в итоге поддержал комитет.

17. Догужиев. Вышел на трибуну и активно поддержал комитет. (*Шум в зале.*)

18. Губенко: завтра мне встречаться с интеллигенцией, она не поймет комитет, четко позиции не выразил. Но после этого, говорят, он подал в отставку.

19. Щадов. Активно «за», потребовал немедленного введения чрезвычайного положения в Кемерове. (*Смех.*)

20. Лаверов. Крутил, крутил, но так и не сказал: ни да, ни нет! (*Шум.*)

Примечание. Необычно. Но никто из министров оборонного комплекса не выступил и в дискуссии не участвовал. Павлов их к этому не принуждал.

Ельцин. Михаил Сергеевич, я разъясняю: с ними у Павлова было отдельное закрытое совещание, а потому они здесь и не высказались.

Горбачев. Но, знаете, я так скажу: я пока многое изучаю потому, что вообще четыре дня я вообще ничего не знал, что происходит. Борис Николаевич, утром прислал пакет решений, что вы принимали, я их все перелистал и вчера, когда меня спрашивали, я сказал, законны или незаконны эти Указы, я оказал: в такой ситуации, в какой оказалась страна, российское руководство другого способа и метода действий я не вижу и все, что делал

Верховный Совет, Президент и правительство, было продиктовано обстоятельствами и правомерно. *(Бурные аплодисменты.)*

Ельцин. Я прошу это оформить Указом Президента страны! *(Смех, аплодисменты.)*

Горбачев. Борис Николаевич, мы же не договаривались все сразу выдавать, все секреты!

Ельцин. Это не секрет, это серьезно. *(Смех.)*

Горбачев. У нас действительно, товарищи, с Борисом Николаевичем шел обмен по этому вопросу, когда мы сегодня встретились. Почему? Потому, что отношение, в общем-то, да, эти Указы были во времени, в определенной ситуации и т.д. и этим самым надо признать их правомерность в той ситуации тогда, когда они решались. И мы договорились, что со стороны Президента такой Указ должен быть, подтвердить еще, хотя бы после, но позицию эту с юридической точки зрения. *(Аплодисменты.)* Это тоже прецедент, это необходимый прецедент!

Ельцин. Специально подготовлен целый блокнот, Михаил Сергеевич, Указы и постановления, принятые в осажденном Доме Советов. Так и называется. *(Аплодисменты.)*

Мы Вам вручаем!

Горбачев. Ну теперь я буду читать вопросы, может быть на что-то мы уже ответили, быстро. Здесь речь идет о Верховном Совете СССР.

Я свою точку зрения высказал. *(Шум, голоса.)* Наверно, надо ответить?

Ельцин. Давайте будем сначала по запискам! Записки от вас же пришли!

Горбачев. Здесь есть предложение т. Степашина, Кобец, Лопатина и Лукина по КГБ, по вооруженными силам. Я уже сказал сейчас, кстати, мы освободили Моисеева от должности начальника Генерального Штаба и утвердили Лобова. Мы намерены Грачева, командующего десантными войсками, утвердить к т. Моисееву первым заместителем Министерства обороны. *(Шум, голоса, выкрики.)*

Ельцин. Министром назначен Шапошников Евгений Иванович, первым заместителем министра обороны – Грачев, тот, который нас защищал, ВДВ, он же первый заместитель министра обороны Союза, он же председатель Комитета России по оборонным вопросам. Вот мы такую связку сделали! Я дополняю то, что Вы, Михаил Сергеевич, иногда забываете сказать!

Горбачев. Мы много действительно решений приняли. Я даже не буду все оглашать. Все, кого мы утвердили, – первых лиц, они внесут в ближайший день, два новые предложения. Поэтому предстоит расчистка здесь. Не беспокойтесь! Договорились? Все.

Ельцин. Я представление дал Президенту страны о присвоении генерал-полковнику Кобцу Константину Ивановичу звания генерала армии. *(Аплодисменты.)* Президент страны дал согласие. Я подписал представление о присвоении полковнику Руцкому звание генерал-майора. Президент страны дал согласие. *(Аплодисменты.)*

Горбачев. Товарищи, будет много таких вопросов, я бы сказал, практического плана, я постараюсь быстренько ответить. Видимо, не все члены ГКПЧ должны нести одинаковую ответственность за переворот. Насколько известно, Стародубцев был извещен о включении в состав ГКПЧ в 10 часов утра 19 числа. Получили ли Вы письмо от Стародубцева с объяснениями и как Вы к нему относитесь?

Ничего не получал, ничего не знаю. *(Шум, голоса, выкрики.)*

Ельцин. Внимание, внимание!

Горбачев. Вопрос задал тов. Новиков?

Ельцин. Действительно, почерк трудно разбирать, может быть, пойдём по микрофонам?

Новиков В.И. Я думаю, все расслышали, что подобного рода записки я не подавал. Мой вопрос такой. Михаил Сергеевич, Вы в очередной раз успели подтвердить свою приверженность социализму. Одновременно Вы сообщили, что собираетесь заниматься усовершенствованием КПСС. Я задаю

вопрос такой: не считаете ли Вы, что социализм должен быть изгнан с территории Советского Союза? Первое.

Второе. Не считаете ли Вы, как это считает фракция беспартийных депутатов РСФСР, что Коммунистическая партия Советского Союза должна быть расформирована как преступная организация. *(Аплодисменты.)*

Горбачев. Ну что ж, вопрос поставлен откровенно. Отвечаю вам предельно откровенно. Если вы поставите задачу перед Верховным Советом и правительством Российской Федерации и всеми Верховными Советами и правительствами изгнать социализм с территории Советского Союза, эту задачу нам не удастся с вами решить. Потому что это очередной вариант крестового похода, религиозной войны на нынешнем этапе. Социализм, как я его понимаю, это определенные убеждения людей не только в нашей стране, но и в других странах, и не только сегодня, но и в другие времена, и мы с вами провозгласили свободу убеждений, плюрализм мнений. *(Шум в зале.)* Нет, вы уж послушайте, вы сами хотели, чтобы я ответил откровенно. Как вы ставите вопрос, так я и отвечаю, как я думаю.

(Шум в зале.) Тогда не задавайте таких вопросов, по которым я доклад должен делать. Задачу изгнания социализма с территории Советского Союза никто не вправе ставить, и это вообще очередная утопия, больше того, это есть самая настоящая ловля ведьм. Человек имеет право на взгляды, выбирает движение, партию или вообще стоит вне партии. Раз.

Вторая часть вопроса. Когда вы говорите – партию запретить, как преступную организацию не могу согласиться, потому что в этой партии есть люди, есть течения, есть группы, которые встают на такой путь, мешают и даже стали соучастниками такого процесса, они должны понести всю ответственность, одни – политическую, другие – юридическую, но я никогда не соглашусь, что мы должны разгонять коммунистов, рабочих, крестьян, о чем я говорил. *(Шум в зале.)*

Запретить как преступную организацию. Я отвечаю: есть люди, которые оказались у руководства и в Секретариате ЦК, у которых не хватило

даже мужества и там шла драка три дня, чтобы выступить в защиту своего генсека и добиться встречи с ним. Есть комитеты, которые приняли решение сделать все для того, чтобы помогать этому так называемому комитету, эти люди должны отвечать, каждый в меру своих «заслуг». Но объявить преступниками миллионы рабочих и крестьян, на это я никогда не соглашусь. *(Шум в зале.)* Тем более в программе, которая вынесена на обсуждение, там цели поставлены такие, что вам трудно даже с ними конкурировать. *(Шум в зале.)* Если эта программа будет принята и те, кто останется на позициях этой программы, это будут демократы, которые будут вместе с вами. *(Шум в зале.)*

Ельцин. Пожалуйста, второй микрофон.

Задонский Г.И. Уважаемый Президент! Сформулируйте, пожалуйста, вашу позицию по отношению к мнению группы депутатов России, которые считают, что должны быть приняты безотлагательные меры, которые должны искоренить питательную среду для возникновения переворотов и всех ситуаций, которые произошли.

Эти меры должны заключаться в следующем: немедленно устранить параллельное управление страной партийными структурами, для чего на период становления демократии распустить центральные руководящие структуры КПСС и РКП – ЦК, в том числе Политбюро, региональные территориальные партийные комитеты, политорганы в КГБ, МВД, в армии и на флоте. Немедленно национализировать имущество КПСС и РКП, направив финансовые ресурсы, в том числе и валюту, на социальные нужды. Осуществить национализацию имущества КПСС гласно, под контролем депутатских и общественных комиссий. Распустить КГБ, создав новые органы безопасности за счет объединения соответствующих органов республик. Пограничные войска подчинить непосредственно президенту.

Горбачев. С последнего вопроса. Утвердив тов. Бакатина председателем Комитета госбезопасности, вторым пунктом мы записали: представить предложения по реорганизации этой службы.

Что касается других вопросов, все они заслуживают того, чтобы они были рассмотрены в ближайшее время. Кстати, эти мысли в приближенном виде, охватывающем темы, которые вы поднимаете, обсуждались на встрече с руководителями всех республик. Так что эти вопросы мы будем рассматривать безотлагательно и будем вырабатывать меры и подходы. Но опять-таки сделать так, чтобы всё это шло законным путем. (*Аплодисменты.*)

Ельцин. Третий микрофон.

Рыжов. Михаил Сергеевич, я хотел бы, чтобы Вы выразили свое мнение по такому очень важному вопросу. Вы провели, как Вы сообщили нам, очень неплохие назначения на важные, ключевые правительственные посты. Но ключевое значение, а также большой общественный резонанс будет иметь назначение на пост премьер-министра. Мне думается, и, наверное, коллеги меня поддержат, что этот пост следовало бы отдать представителю России. И я считаю, что в России есть очень хороший кандидат, профессионально хороший – это Иван Силаев (*Бурные аплодисменты*), если он, конечно, согласится. Хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу.

Горбачев. Кого – повторите.

Рыжов. Представителя России. В России есть очень хороший кандидат и профессионально очень хороший – Иван Степанович Силаев.

Горбачев. Я все-таки не понял, о чем идет речь. О премьер-министре СССР? (*Шум в зале.*)

Рыжов. Премьер-министром должен быть представитель России и, в частности, тов. Силаев.

Ельцин. Михаил Сергеевич, первая часть вопроса: как Вы считаете, правильная постановка депутатов российских, что должность премьер-министра должна быть российской, мы должны выдвигать на эту должность свою кандидатуру?

Горбачев. Борис Николаевич знает мою позицию. Когда мы формировали в декабре органы власти, я сказал, что президент и премьер-министр должны представлять Россию.

В отношении вице-президента моя точка зрения такая, что это должен быть представитель республик. Лучше всего, это может быть из Средней Азии. *(Шум, оживление в зале.)* Подождите, подождите.

Я вам говорю о том, что мы обсуждали на Совете Федерации. Эта моя позиция остается прежней.

Другое дело – вторая часть вопроса. В связи с тем, что ситуация особо острая с Кабинетом министров СССР и я вижу, вы это разделяете, мы договорились – в течение двух, максимум трех дней все руководители обдумают, чтобы выработать единый подход.

Товарищи из республик высказались в том плане, чтобы коалиция правительства учитывала, прежде всего, представительство республик.

Из зала. Умного надо назначать.

Горбачев. Априори это абсолютно правильное утверждение.

Ельцин. Четвертый микрофон.

Депутат (не представился). Михаил Сергеевич! Я в некотором роде тоже политработник, я учитель и воспитывал наша теперешнее молодое поколение, которое стояло в оцеплении этого Белого дома.

Вы сейчас сказала о некой такой антикоммунистической истерии. Я хорошо знаю как политический деятель, учитель, что антикоммунизм возникает в ответ на коммунизм как в обращение к норме, подобно тому, как антифашизм возникает в ответ на фашизм, как возвращение к норме. И не бывает нормальной истерии. Бывает истерия либо фашистская, либо коммунистическая. Поэтому такая организация, как КПСС, изначально создавалась на уголовных принципах и является партией государственной измены. Так вот, что мешает Вам как Президенту издать Указ о том, чтобы опечатать все здания, принадлежащие этой организации. По моим сведениям,

ЦК КПСС снимает со счетов гигантские суммы, в том числе и валютные, и, мне кажется, что нужно немедленно прекратить. Благодарю вас.

Горбачев. Я в принципе ответил на этот вопрос. Практически вопросы, которые из этого вытекают, будут решаться в ближайшие дни. Поэтому не буду я начинать сначала разворачивать свою аргументацию по этому вопросу.

Что касается поступившей информации, тов. Бурбулис писал записку, что там в здании ЦК нечто происходит такое, что надо остановить, и попросил согласия, чтобы принять меры. Я написал «согласен», передали, не знаю, приняты меры там.

Ельцин. Меры приняты, здание ЦК КПСС опечатано. *(Аплодисменты.)*
Пятый микрофон.

Горбачев. Но в эмоциях не расходитесь. Особенно сейчас должна быть ясная голова.

Арутюнов М.Г. Михаил Сергеевич, к моему вопросу присоединяются еще Бричалов и Захаров, депутаты. Вопрос такой. Среди защитников российского Белого дома существует устойчивое мнение и всё увеличивающееся, что обо всем, что предстоит, Вы знали заранее. Эту точку зрения подтверждает и интервью, данное Лукьяновым 19 числа, где он заявил, что с Вами советовался, был согласован персональный состав этой заговорщицкой группы. И единственно, о чем вы не договорились, это о том, что нужно, мол, этот состав согласовать на Верховном Совете. Вот я хотел бы знать Вашу позицию по этому поводу. Ведь мне кажется и всем так кажется, что в обоих случаях Вы были бы на коне: победили бы путчисты, они бы Вас оставили Президентом, и проиграли путчисты, Вы теперь можете стать или хотели бы стать национальным героем, мучеником.

Горбачев. Нет, давайте остановитесь, а то я забуду Ваши вопросы.

Я думаю, что товарищи сейчас, конечно, будут пытаться, силы, которые потерпели поражение, придумывать что угодно. Это грубейший вымысел, попытка бросить тень, скомпрометировать, потому что им не

удалось шантажировать, им не удалось от меня ничего получить, никакого документа, ни заявления, ни выступления. Кстати, где-то на днях должно прорваться. После того, когда я услышал, передали мне, послушав по радио, что я нахожусь в таком состоянии здоровья, что не способен вообще ни мыслить, ни действовать, я понял, что значит, в ближайшие часы будет сделано всё, чтоб привести в соответствие мое состояние с этим заявлением. Поэтому были предприняты все меры, перекрыли, отказались от пищи, завозить ее, начали питаться тем, что было в распоряжении. Усилили охрану, всё расположили кольцами, все сконцентрировались и начали жить уже по осадной психологии.

Поэтому я думаю, что это все делается для того, чтобы сказать, потому что не удалось им ни сломить, ничего, тогда они начали, чтобы физически сломить.

С места. Лукьянов врет, значит?

Горбачев. Во-первых, я этого заявления еще не видел и не слышал. Если он говорит это, он преступник. Только за это. (*Аплодисменты.*) С Лукьяновым я ведь не разговаривал, ни с кем же не разговаривал.

Арутюнов. Второй вопрос. Михаил Сергеевич, к Вам на четвертом Съезде приходил теперешний наш вице-президент Руцкой, Вы его не приняли, он три часа Вас прождал. Он сказал, что не Вы нам нужны, а мы Вам нужны. И вот сегодняшнее событие доказало, что единственная Ваша опора, это Российский парламент. Вы поняли это?

Горбачев. Я считаю, что мы нужны друг другу, как люди, приверженные к демократическим преобразованиям, и допустить расхождение, раскол, это значит погубить этот курс.

От этого курса, я уже это заявлял публично и сегодня говорю, это не новость, но я это хочу подтвердить после всего, через что мы прошли и я лично, что никакие силы меня не заставят отвергнуть. Когда мне сказали, что прибыла какая-то миссия, о которой меня никто не уведомлял, и я решил поднять трубку и выяснить, что это за миссия и когда я понял, что уже всё,

заблокирован, я понял, что вопрос сейчас будет стоять о жизни и смерти. Семья, выслушав меня, сказала, ну что ж, жить вместе, как жили, или умирать, так умирать вместе. Вот позиция семьи была.

Так эта позиция осталась до конца, хотя не так просто всё теперь идет в семье.

Так что мы нужны друг другу.

Ельцин. Первый микрофон.

Горелов Г.В. Михаил Сергеевич, во вчерашней Вашей пресс-конференции, как и сегодня, Вы больше внимания уделили, на мой взгляд, может, это субъективное мнение, но мы больше узнали о том, как поступили с Вами в Крыму, как вела себя Ваша внучка, и сегодня тоже, но мы не слышали вот практических дальнейших действий. Кроме сегодня сообщений о каких-то кадровых перестановках, мы не слышали ничего о том, как будет с российской собственностью, вот с этими вопросами, к сожалению. Ну, это, наверно, долго отвечать, Вы сказали, нужно будет делать целый доклад. Поэтому у меня несколько личностных вопросов к Вам.

Горбачев. Одну минутку, Вы опять вот теперь на личное переведете и скажете, что я на это не ответил. Во-первых, я с Вами не согласен. Я сказал, что как раз все дело и состоит в том, что мы подошли на этом этапе к реализации уже непосредственно тех целей перехода к новым формам жизни: подписание Договора, реализация антикризисной программы, продовольственные, топливные дела, как неотложные, стабилизация финансов. И это все надо делать. Для того, чтобы это все делать, нужна мощная перегруппировка сил, новые законодательные и исполнительные власти, которые бы взяли на себя ответственность, получили бы доверие и решили все эти задачи.

Поэтому я должен был сказать, зная то, что все, что здесь, и когда я начал сегодня говорить, вы сказали, «это мы знаем». И правильно. Я должен был вчера сказать и посветить, а что же было там и с чем приехали. И в этом, между прочим, состоит еще преступность и с этого начали раскрываться

преступные замыслы. Когда Президент отверг все эти ультиматумы, они объявили о том, что он не дееспособен, встали на путь обмана народа и всего мира.

И тем самым отвергли конституционную власть.

Так что, я понимаю, что надо делать. Надо продолжать то, что мы делали, и подошли к фазе реализации конкретных задач на всех направлениях демократических преобразований.

Так что я с вами не могу согласиться.

Ельцин. Одну минуточку. Речь шла, Михаил Сергеевич, о собственности. Я хочу напомнить Вам, что мы с Вами до всех этих событий договаривались, что если не будет принято Вами решения о передачи собственности на территории России в юрисдикцию России, это сделает Президент России своим указом. Я такой указ 20 числа этого месяца подписал: всё имущество, вся собственность на территории Российской Федерации, кроме функций, переданных Союзу, находится в собственности народов России, в собственности России. А Вы сегодня сказали, что подпишете указ, подтверждающий все мои указы, изданные в этот период. *(Аплодисменты.)*

Горбачев. Я не думаю, что Вы меня загнали в ловушку, нет. Я еще раз подтверждаю, что Верховный Совет Российской Федерации, Президент и Правительство в этой экстремальной ситуации единственно действовали так, как они действовали, и то, что они приняли, было продиктовано ситуацией и все имеет юридическую силу и должно быть подтверждено даже задним числом со стороны Президента.

Все, что касается вопросов реализации Союзного договора, Борис Николаевич, как мы и обсуждали, и я подтверждаю это, что после подписания Союзного договора должен быть принят указ Президента по вопросам собственности, относящийся ко всем республикам, и должна начаться реализация этой идеи. Это крупная задача, и мы должны ее решать таким образом, чтобы как раз трудности большие в функционировании

экономики этим не усугубились. Одно ясно, что такой указ сразу подписания договора будет, и он готовится.

Ельцин. Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать Указ о приостановлении деятельности Российской компартии. *(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Выкрики «Браво!»)*

Указ подписан. *(Выкрики «Ура!», овация.)*

Горбачев. Я думаю, вам небезынтересно. Я не знаю, что там написано и как он называется. Коли так, как сказал Борис Николаевич, то Верховный Совет, который столько сделал и должен сделать сейчас, в этом случае вряд ли должен поддержать Президента Бориса Николаевича, которого я уважаю и об этом... *(Выкрики из зала.)*

Одну минутку, не вся компартия России участвовала, коммунисты России участвовали в заговоре и его поддерживали. *(Выкрики из зала.)* Поэтому, если установлено, что Российский комитет и какие-то комитеты в областях солидализировались с этим комитетом, то я бы такой указ поддержал. Запрещать компартию – это, я вам прямо скажу, будет ошибкой со стороны такого демократичного и Верховного Совета, и Президента России. Поэтому – точно ли назван указ?

Ельцин. Михаил Сергеевич, не о запрещении, а о приостановлении деятельности Российской компартии до выяснения судебными органами ее причастности ко всем этим событиям. Это совершенно законно.

Горбачев. Это уже другое дело.

(Аплодисменты, бурные аплодисменты.)

Ельцин. Тем более Российская компартия до сих пор в Минюсте России не зарегистрирована. *(Аплодисменты.)*

Горбачев. Будьте до конца демократами. До конца будьте. И тогда с вами будут все: подлинные демократы и здравомыслящие люди.

Ельцин. Второй микрофон.

Перуанский С.С. Борис Николаевич, я тоже для разрядки. Сейчас моя очередь задать вопрос, но я в порядке подарка Валентине Александровне меняюсь с нею очередью. У нее день рождения сегодня.

Горбачев. Поздравляем ее. *(Аплодисменты.)*

Петренко В.А. Спасибо большое. Уважаемые товарищи! Уважаемый Михаил Сергеевич!

Я хочу Вам задать такой вопрос: скажите, пожалуйста, у Вас хватит решимости (только честно, прямо) сейчас полностью дать оценку всем кадрам, всем лицам, которые возглавляли государственные комитеты (кроме министерств, мы уже слышали ответ на этот вопрос).

И второе – по тем событиям, которые произошли. Вы прекрасно понимаете, что единожды отмолчавшийся в этой ситуации хуже, чем предатель. Нужно называть всё своими именами.

И сейчас, в продолжение Указа о приостановке параллельно второй вопрос: сможете ли Вы и каким образом дать оценку тем секретарям районных, городских комитетов партии (я имею в виду по структуре), крайкомов партии и т.д., вплоть до Центрального комитета партии. Какие будут действия? Вы сейчас сказали, что знакомы с тем, что не все поступили одинаково. Я не говорю о коммунистах рядовых, я говорю об аппарате партийного управления, который вообще (надо честно говорить) не поддержал Вас и не поддержал Российское правительство в данной ситуации.

Каковы будут Ваши действия?

И мое пожелание. Сейчас люди ждут от Вас только решительных шагов. Я прошу Вас просто как женщина: поступите решительно в этот тяжелый момент. *(Выкрики: «Правильно!» Аплодисменты.)*

Горбачев. Товарищи! Там, где будут требоваться самые решительные меры и оправданы ситуацией, а ситуацию мы с вами пережили такую, из которой вытекают очень тяжелые уроки, с моей стороны будут приниматься (на основе совета со всеми вами, это очень важно) самые решительные меры. К этому я готов и морально, и политически. Но до конца буду настаивать на

том: если мы расколем общества, не пойдем на объединение вокруг демократических движений и сил всего здорового общества, то будет драка в нашем обществе.

А мы ее должны сейчас избежать, и люди ее тоже не приемлют.

Вы обратили внимание, что часть людей прореагировала «порядок», а кое-где даже звучит: «Давайте Брежнева, давайте Сталина, лишь бы был порядок». Поэтому мы должны показать, что мы можем решать дела и должны решать дела в условиях законности и демократии. Я буду настаивать на таком способе действий. Но это не в ущерб решительности и твердости.

Ельцин. Я могу подтвердить, сегодня в полуторачасовой беседе один на один твердо было сказано Михаилом Сергеевичем, что все те, кто причастен был прямо или косвенно к этому перевороту, к ним будут привлечены соответствующие меры, по закону, резко, решительно, и никакой здесь пощады не должно быть.

(Крики: «Браво!» Аплодисменты.)

Уважаемые народные депутаты! Полтора часа Президент на трибуне... *(Выкрики из зала: «Мало!»)* А сейчас... дело в том, что в 6 часов заседание «девятки»⁷. И мы должны, Президент и я, там быть и продолжить сегодня обсуждение принципиальных вопросов и народного хозяйства, и кадров, и т.д. *(Шум в зале.)* Поэтому я хотел бы таким образом... *(Шум в зале.)* Хорошо, если у кого-то есть замечания, у Ходжиева в том числе. Пятый микрофон.

Ходжиев. Михаил Сергеевич, Борис Николаевич!

Здесь зачитали стенограмму и опозорили меня на всю страну.

Я 19-го на заседании Кабинета министров не был. И хотя до сегодняшнего дня в отпуске, я прилетел в Москву 19-го ночью, 20-го утром собрал коллегия, и на коллегии открыто я сказал, что я с этой «восьмеркой» работать не буду. Если на сессии они победят, то я подам в отставку. Коллегия приняла решение, что мы выполнять поручение этой «восьмерки» (есть у меня официальная телеграмма) не будем, до решения Верховного

Совета РСФСР. Одновременно 21-го т. Воронцов и я (вдвоем) написали заявления, я прошу разрешения его зачитать, это займет ровно три секунды.

«Мы, министры СССР, назначенные на свои посты с одобрения Верховного Совета СССР Президентом СССР Горбачевым, остаемся верными законному Президенту СССР. Мы не считаем возможным подчиниться каким-либо органам, не существующим в Конституции СССР, и в связи с этим считаем создание ГКЧП незаконным.

В сложившейся ситуации в соответствии с пунктом I указа 61 от 19 августа 1991 года Президента РСФСР до созыва очередного Съезда народных депутатов переходим в непосредственное подчинение Президента РСФСР. Мы продолжаем осуществлять свои функции, призываем народ к спокойствию, а своих коллег, членов правительства СССР – последовать нашему примеру и выступить в защиту законной власти, против участников путча».

Это было в два часа дня 21-го. Депутат Лунин вместе со мной писал это дело.

Поэтому я прошу обелить мое имя и сказать мне, кто тот негодяй, который мою фамилию туда вставил, я хочу видеть его лицо.

Ельцин. Понятно. Примем к сведению ваше заявление. Первое.

Второе. Видимо, надо окончательно расследовать этот факт.

И третье. Готовится завтра выпуск «Известий» как раз с этим протоколом. Надо его сейчас задержать для того, чтобы было там, соответствовало тому, что было на самом деле. Если одна-две фамилии попадут с такой вот неточностью, это будет уже беда. Поэтому давайте мы это сделаем. Лучше попросить «Известия» немножко задержать на день-два, уточнить этот протокол, а потом выпустить.

Все вопросы письменные Михаил Сергеевич забрал себе.

(Шум в зале.) Товарищи, давайте все-таки уважать Верховный Совет, самих себя. В первый раз Президент страны у нас в Верховном Совете. Кому-то ответы кажутся неполными. Ну, понятно, за полтора часа на все ответишь.

Я думаю, что мы должны тактично поблагодарить Президента за выступление, за ответы на вопросы и будем считать, что традиционными будут наши встречи. *(Аплодисменты.)*

Куркова Б. *(Не слышно.)*

Горбачев. И Шеварднадзе, и Яковлев разделили всю мою судьбу с 1985 года. Участвовали во всех поисках трудных и часть ошибок, которые мы совершили и допустили, это тоже их, как говорится, тоже им награда. Но тем не менее, я считаю, в главном все, что мы делали, в выборе, принятии курса, выработке этого курса все правильно...

Куркова Б. *(Не слышно.)*

Горбачев. Я против отставки и того, и другого. Но я не могу настаивать по десять раз, когда они настаивают.

(Шум в зале.)

Ельцин. До свидания. Спасибо.

*Печатается по тексту стенограммы:
ГА РФ. Фонд № 10026. Опись № 1. Дело № 2919.*